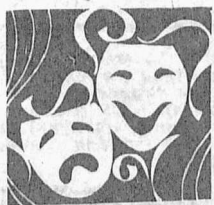

ПОЧТИ ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ...

О гастролях балета Гранд Опера

Без малого двадцать лет минуло с тех пор, как Москва впервые принимала балет парижской «Опера». То были прекрасные гастролы, удивительные творческой щедростью, разнообразием репертуара. Не столь давно состоялось второе турне. И там было немало интересного: наша публика узнала и полюбила Сирила Атанасова, совсем тогда юных Ноэллу Понтуа и Жоржа Пилетта, по достоинству оценила экспрессивность Жана Гизерикса, впервые увидела «Собор Парижской богородицы». И вот — третий приезд. И снова пристальный интерес: какими стали известные актеры, какая молодежь выросла за быстро пролетевшие годы? Известные актеры стали мастерами (назовем хотя бы лауреатов Московского международного конкурса Франческу Зюмбо и Патриса Бара). А молодежь выросла обаятельная, даровитая. Но каковы бы ни были исполнительские способности, талант формируется и оттачивается репертуаром. Нынешние гастролы пекут самыми разными названиями, самыми различными балетмейстерскими именами. Французские гости привезли и спектакли, испытанные временем, и ранее нами виденные: балетчинский «Влудный сын» (известный москвичам в отличной интерпретации «Нью-Йорк сити балета»), его же лучезарный «Хрустальный дворец», сочиненные Ландером «Этюды». Правда, прежде «Этюды» исполнялись технически чище, точнее, одухотвореннее и уютнее. Спектакль, задуманный как увлекательный рассказ об овладении профессией, об устремленности от первоэлементов к сложной и специфичной образности классического танца, прошел неровно, невзирая на профессионализм звезд — Вильфрид Пиолле, Жан-Пьера Франкетти и Жана Гизерикса. Слово лист в почке, словно цветок в бутоне — так в каждодневном уроке у станка и на середине затаен мир будущего балетного спектак-

ля. В этом — смысл и прелесть «Этюдов».

Балет сегодня не скучается на сюрпризы и парадоксы. Не обошелся без оных и театр «Опера». В самом деле, что современнее — авангардистский эксперимент Бежара «Жар-Птица» или почти полусторостолетняя «Сильфида»? Балет, рожденный в 1832 году, поставленный на сюжет наивный и нехитрый, волнует своей человечностью, изначальными и немеркнущими чувствами. Ими жива хореография Филиппа Тальони, Пьеру Лакотту удалось отреставрировать перлы, которые в свое время возвестили балетной сцене наступление новой, романтической эры. Жемчужины рассыпаны по всему спектаклю.

Единственное в своем роде трио Джеймса с Эффи и Сильфидой — трио, пронизанное трагической несовместимостью порывов к небу и земных привязанностей, необыкновенно красиво исполненное Микаэлем Денаром, Франческой Зюмбо и Гилен Тесмар. Восхитительные в своем простодушии полеты Сильфиды. Вставное па-де-де, с таким задором и озорством станцованное молодым дуэтом Клод де Вольпиан и Жаком Намоном. Предельная выразительность пантомим, проводимых Лириан Удар в роли Колдуньи. И венец всего: партия Сильфиды, словно сотканная из утренних туманов, тающих облаков, трепета радужных крыльев. Роль восстановлена с тщательностью воистину исследовательской — так восстанавливают миллиметр за миллиметром драгоценную живопись. Роль дышит ароматом художественной подлинности в интерпретации Гилен Тесмар. Отрешенная и бестелесная, интуитивно сознающая тщету своих желаний и гибельность странной, неодолимой любви к Джеймсу, эта Сильфида не просто безупречно воссоздает весь склад первого романтического балета, таинственным, почти ирреальным танцем повествуя о трогательной и горестной

судьбе погибшей дочери воздуха. Чего стоит одна лишь последняя сцена: крылья опадают, но все еще надеясь на чудо, пытаясь улететь, Тесмар гибнет, прощая своего героя и прощаясь с ним... Такие сцены запоминаются надолго. Нет, даже перечисленные исключительно трудные задачи кажутся балерине недостаточными. Танцуя свою Сильфиду — овевянную мечалью, она танцует... саму Тальони. Легендарный образ «божественной Марии» — в венке, в белых тюниках, изобретенных Эженом Лани, в жемчужных запястьях — чудом снисходит на подмостки. И оба плана столь сложно задуманной и столь блистательно реализованной роли сливаются у Тесмар в торжествующем, властвующем танце. Замирает ли она на пунтах или исчезает в камине, мчит ли в легкрылых вариациях или беспечно, не ведая близости страшной развязки, гонится за околдованным шарфом, наслаждается ли нескончаемыми, фантастическими в своей стремительной чеканности па или робким прикосновением думает разбудить сияющего Джеймса — все в ней полно небесной гармонии и ясности. Вот почему подлинным открытием нынешних гастролей стала Тесмар в «Сильфиде». Конечно, версия «Сильфиды», созданная в прошлом веке Бурнонвилем, показанная у нас Королевским балетом Дании, прекрасно идущая в Ленинграде в Малом оперном театре, имеет свои достоинства. Но здесь достаточно одной Тесмар, чтобы оправдать существование спектакля. А если добавить к огромному успеху балерины успех всех ее партнеров по спектаклю, если сказать о тонком понимании, с каким мастером Эшли Лоурэнс прочитал музыку Жана Шнейцгоффера, окончательно пойдем, почему гастролы начинались и завершились именно «Сильфидой». Отныне этот старинный спектакль, его пленительная юность, его свет и поэзия станут для нас символом всего лучшего, что подарил миру балет Франции.

Е. ЛУЦКАЯ.